НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА
АФГАН
Солдаты и офицеры, обильно поливая раскаленную землю своей кровью, ползут через минные поля, чтобы захватить стратегически важное селение. Кишлак взят, но вскоре в клочья разорванный полк вынужден уйти с захваченной территории... Эта книга о величайшем взлете человеческой души, о том, что пережили, выстрадали и вынесли из той войны обыкновенные парни. Книга поражает своей правдивостью, откровенностью, простотой и в то же время красочностью изложения.
НАПИСАНО ВОИНОМ-АФГАНЦЕМ
Сергей СКРИПАЛЬ
Геннадий РЫТЧЕНКО
ОБРЕЧЕННЫЙ КОНТИНГЕНТ

Сергей Владимирович Скрипаль
Геннадий Юрьевич Рытченко

Обреченный контингент

Серия «Контингент», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=306852
Сергей Скрипаль, Геннадий Рытченко. Обреченный контингент: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-16949-0

Аннотация

Солдаты и офицеры, обильно поливая раскаленную землю своей кровью, лезут через минные поля, чтобы захватить стратегически важное селение. Кишлак взят, но вскоре в клочья разорванный полк вынужден уйти с захваченной территории… Это книга о величайшем взлете человеческой души, о том, что пережили, выстрадали и вынесли из той войны обыкновенные парни. Книга поражает своей правдивостью, откровенностью, простотой и в то же время красочностью изложения.

Содержание

Вступление 4
Глава 1. КАРАВАН 6
Глава 2. ОБЕРЕГ-ЛАДАНКА 11
Глава 3. КОМСОРГ 16
Глава 4. СТАНИЧНИКИ 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Сергей Скрипаль, Геннадий Рытченко
Обреченный контингент

Вступление
Вот и ты, сыночек!

«Во Путивле на забрале
Ярославна рано плачет...»

Сыночек! Сынок родился! Ой, какой же ты маленький! Страшненький, красненький! Да нет же, нет, самый красивый! Самый лучший из всех людей на белом свете!

Дети громко плачут и кричат, а ты радостно кричишь и кривишь губочки в улыбке. Счастливой, долгой жизни тебе, сыночек мой! Любимый мой!

* * *

Это птички, сынок, это кошечка. Не бойся, радость моя! Не бойся, погладь ее. Жалей, береги все живое, маленький мой! Заступайся за них. Они слабые и беззащитные перед человеком. Заклинаю тебя! Помни об этом.

* * *

Отпускай, отпускай мамину ручку, сынок. Это детский садик. Это твои товарищи, твои подружки, солнышко мое. Береги друзей, хороший мой, и тебе с ними всегда будет хорошо. Иди к ним, маленький мой!

* * *

Учиться в школе нужно хорошо, сынуля. Не балуйся, не шали, слушай, что будет говорить учитель. Запоминай все, чему учат. Будешь умным, хорошим человеком, золото мое. Какой ты послушный и старательный у меня!

* * *

Повязывай галстук, сыночек мой, вот этот, папин. Он не очень новый, но так тебе идет! Выпускной вечер – последний день в школе. Какой ты взрослый! Красивый! Какая у тебя замечательная девочка, счастье мое!

* * *

Служи с честью, сыночка. Выполняй свой долг. Делай то, чему офицеры учат. Помни, что мы ждем тебя и твои письма. Любим тебя и тревожимся о тебе. Помни, что мы беспокоимся о тебе и днем и ночью, единственный мой!

* * *

Вот и ты, сыночек мой! Как же это, кровиночка моя? Почему ты?! Почему тебя?!

Как возмужал! Как похудел, милый мой! А это что? Морщинки?! Какое солнце тебя сожгло, мальчик мой? Прядь седая в волосах твоих. Молчишь, не смотришь на меня? Это я, твоя мама! Сы-но-че-е-к!

Какие красивые цветы принесли твои друзья! Твои любимые – тюльпаны... Только не красные, черные. Как горько мне, любимый мой! Около тебя твои друзья стоят, знакомые и незнакомые люди, скорбно головы опустили, понурились, вспоминают голос твой. Как они любили тебя за веселый, добрый характер. Любовь моя! Что с тобой сделали, сыночек мой! Думала надеть белое свадебное платье девушка твоя, а стоит в черном, траурном. Окаменела от горя и даже плакать не может о тебе, родной мой, только стонет тихонько.

Сколько наград у тебя, сыночек мой! На красных бархатных подушечках несут их твои товарищи. Хорошим солдатом, хорошим товарищем ты был, солнышко мое, если плачут мужчины от того, что нет тебя с ними, если, целуя руки, говорят мне: «Мама!».

Как же ты мог оставить меня одну, сыночек мой! Что же буду здесь одна делать, зачем жить мне теперь?

Какой добрый, ласковый ты был. Как старался помочь всем!

Сыночек мой! Закатилось солнце мое! Погас свет в глазах моих! Нет тебя больше со мной. В душе моей тьма черная. Соколик мой. Сломаны крылья твои. Не летать тебе высоко. Не видать тебе синего неба, радость моя. Навсегда оборвали твой веселый смех.

Нет! Нет, не уносите, не засыпайте! Дайте мне еще побыть с моим сыночком.

Оставьте меня! Оставьте, пустите к нему!

Сынок, сынок, сыночек мой!

Не хочу, не могу без тебя. Солнце мое. Радость моя. Счастье мое.

Отдав последние почести, расправив ленты на венках, солдаты разрядили автоматы, молча погрузились в автобус. Ушли друзья с кладбища. Поодаль стояли родные и знакомые. И тогда МАТЬ спросила тихо:

– Что же я теперь? Одна!

И услышала в ответ злорадное:

– Нет, не одна. Мы теперь всегда и везде будем вместе. Мы уже познакомились, а теперь и породнились. Я навсегда останусь с тобой вместе.

– Кто ты? – спросила МАТЬ испуганно.

– Не узнаешь?!

И Черное Горе, криво усмехнувшись, защелкнуло тесный, колючий, вечный обруч на сердце МАТЕРИ.

Глава 1. КАРАВАН

Замполит полка майор Дубов неторопливо обходил территорию части. Торопиться было некуда. Служебные дела закончены, а в комнатке, отведенной ему для жилья командованием гарнизона, Дубова никто не ждал.

Жена сбежала два года назад с молодым старлеем подальше от опасной близости Афганистана. От ворот части до границы с пылающей в войне страной было всего-то двенадцать километров. Так что надо было убегать подальше, в «блестящую» городскую жизнь, где есть кино, театр, танцы, рестораны. Как только наши войска вошли в Афганистан, влиятельные родственники нового мужа Нины поспешно перевели его в один из многочисленных военных гарнизонов Подмосковья, кажется, куда-то в сторону Подольска. А там и продвижение по службе ускорят, да и с жильем проблемы снимутся. Конечно, это более интересная партия, чем Афганистан и Дубов. Да жена и не скрывала своего пренебрежения, смеясь, говорила:

– Тусклый ты, Дубов. Брошу тебя. Все равно ты все время с солдатами проводишь. Вот и живи с ними!

– Не понимаешь ты меня, Нина, – вздыхал тогда еще капитан Дубов. – Это же дети! Кто о них позаботится? Тяжело ведь им.

– Дурак ты! Что, других офицеров нет? Тебе больше всех надо? Что это – твои дети?

– Так своих-то нет. Хоть этих пожалеть...

Детей не хотела иметь Нина:

– Брось службу. Уедем из этой дыры, я тебе хоть десяток нарожаю. А так... таскаться всю жизнь по гарнизонам... Нет ни жилья своего, ни нормальной жизни. Да и я все-таки молодая, интересная женщина, хочу для себя пожить!

«Что ж, по-своему она права», – вздыхал Дубов, глядя на кокетливо смеющуюся жену.

Он был старше Нины на пятнадцать лет. У нее – ветер в голове: танцы, шик, блеск. А у него – любовь к ней да служба.

* * *

Вечерние тени протянулись от высоких пирамидальных тополей, растущих у высокого глинобитного забора части, через небольшой пыльный плац и ткнулись в стену старой одноэтажной казармы, в которой была комнатка замполита. Взгляд Дубова упал на щит, укрепленный в металлической раме, приваренной к вкопанным в землю толстенным трубам у широкого входа на плац. Рукой самодеятельного художника было намалевано жуткое чудовище в форме солдата Советской армии, его отрешенный взор был устремлен в недосягаемые патриотические дали, короткие, уродливые пальцы судорожно сжимали автомат. Подпись под этим кошмаром гласила: «Изучай военное дело, будешь врагов бить смело!».

Автором поговорки был сам Дубов, а рисовали по его распоряжению после отбоя солдаты-первогодки. Майор довольно хмыкнул и пошел дальше, сквозь широкие яркие полосы солнечного света и такие же широкие, но прохладные полоски тополиных теней. Одобрительно поглядел на следующего мутанта с надписью: «Родину-мать учись защищать!», оглянулся на открытую почти целиком часть.

Она была построена в двадцатые годы большевиками, заброшенными сюда железной рукой советской власти для борьбы с басмачеством. Со временем часть перестраивалась, совершенствовалась, и теперь в ней проходили курс молодого бойца перед отправкой в Афганистан вчерашние призывники. Впрочем, этих пацанов здесь практически никто не назы-

вал бойцами или солдатами, а просто «молодой», «сынок», «щегол» и так далее, тем самым подчеркивая ничтожность не только срока службы, но и самого мальчишки.

Два месяца проходили подготовку новобранцы, принимали присягу, три пули выпускали из автомата по деревянным мишеням и уходили «за речку» такими же сопливыми, необстрелянными детьми, как и до прохождения курса.

Солдатами они становились позже. Уже там, в снегах высокогорья, на сожженных солнцем безграничных пыльных просторах пустынь, на адских сковородах бетонных блокпостов. Познав, как пахнет кровь, как выглядит друг изнутри, засовывая в его разодранный живот его же скользкие кишки. Позже...

А пока молодые бойцы старательно, как и положено первогодкам, бегали по близкой, через дорогу от части, пустыне, выдыхая из легких гражданский никотин, багровели, задыхались, тяжело громыхая необношенными, грубыми ботинками и тихо матерясь, шли в очередной наряд на кухню, чистить картошку.

Дубов вздрогнул от того, что хрипло каркнувший на столбе репродуктор зашипел заезженной пластинкой: «Давным – давно сыпучие барханы двадцатый век изрезал лентами дорог. Но песню грустную верблюжьих караванов в пустынях до сих пор хранит песок...».

Звуки вступления к песне разнеслись по гарнизону, многократно усиленные мощными динамиками. Музыка хорошо была слышна и в кишлаке, рядом с которым находилась часть, что не только не беспокоило, но даже нравилось местным жителям-узбекам, выжатым каторжным трудом на хлопчатниках. В радиоузле хранились пластинки с записями песен, популярных в пятидесятые – семидесятые годы, их «крутили» по вечерам и целыми днями в праздники и воскресные дни, чтобы хоть как-то отделить себя от серых армейских будней.

Дубов проводил взглядом роту солдат, строем прошагавших в столовую на ужин. Воскресенье. У офицеров вечеринка с танцами, у солдат киношка в клубе, а потом отбой с короткими посиделками в курилке.

Ах, Нина, Нина... Когда она уехала, два года назад, Дубов от тоски и отчаяния подал рапорт об отправке в Афган. Смерти искал. Или награды. Или повышения. Может, вернулась бы?!

Просьбу удовлетворили почти мгновенно. Смерть обошла, повышение получил, награду тоже, но вот Нина не вернулась. Да и не вернется теперь уже никогда.

Дубов поправил пустой левый рукав гимнастерки и отправился в солдатскую курилку. Любил по вечерам перед отбоем поговорить с мальчишками. По-своему подготавливая их к тому, с чем придется скоро столкнуться каждому из них. Да и... какие ему теперь танцы?!

Завтра мальчишки, начав новый день службы, под руководством инструкторов, жестоких и беспощадных, неоднократно побывавших в Афганистане, будут отрабатывать приемы рукопашного боя, визгливо-смешно выкрикивая на выдохе: «Кий – я – а – а...», нелепо суя руки и ноги Бог весть куда.

А сегодня вечером можно посидеть и тихонько, по-семейному поговорить.

Дубов рассказывал о том, что пережил сам, что видел, чему научился. Пацаны замолкали, слушали с широко открытыми глазами, полными тревоги о будущем.

Говорил майор ровным голосом, негромко, так, как привык говорить в высокогорных засадах, где звук разносится очень далеко, где ложкой орудуешь осторожно, стараясь, не дай Господь, не скребануть о дно котелка или стенку консервной жестянки. Шумнешь – и сам погибнешь, и товарищей погубишь. Или спугнешь главную цель засады – караван.

Пустую банку из-под тушенки не отшвыриваешь, а аккуратненько ставишь подальше от себя, стараясь зажать в расщелинке, чтобы случайно не зацепить.

А для того чтобы не заморозиться, ворочаешься в снегу и при этом абсолютно бесшумно, нежно, как любимую женщину, перекладываешь с руки на руку автомат, норовящий лязгнуть стылым металлом. И мерзнешь... колеешь от холода... задыхаешься от мороза.

Дубов внимательно оглядывает солдат. Слушают, боятся слово пропустить. В глазах некоторых недоверие. Как это, мол? В Афгане пустыня, вон как за воротами части, замерзнешь там, как же! Жара. Пекло. И вдруг – холод, снег. Недоверие у тех, кто в горах ни разу не были. Другие понимают: внизу – плюс тридцать, вверху – минус десять.

Дубов закуривает новую сигарету, ловко орудуя одной рукой, отказываясь взмахом головы от предлагаемой помощи. Оглядывает поверх голов солдат вчера только изготовленные планшеты, прислоненные к стене казармы, с надписями: «Дал присягу – назад ни шагу!», «Помни присягу свою – будь стойким в бою!».

Про себя думает, что прямо с утра надо из хозвзвода плотника прислать, чтобы приладил у входа в здание перлы солдатской мудрости, и продолжает разговор.

Кроме того, есть приказ – пропустить караван ни в коем случае нельзя. Он несет груз, который грозит новым горем, смертями, потерями для контингента Советской армии и мирного афганского народа.

Разведка докладывает, и группа выходит на реализацию разведданных, то есть устраивает засаду. В древние времена караван – богатая добыча, желанный приз для разбойников. А теперь – цель нападения и уничтожения любой ценой и людей, и грузов.

Издревле тянутся караваны по тайным горным тропам ночью. Скрываются днем в тени «туберкулезной» чахлой зелени, в пещерках, ложбинах между сопками. Караван хорошо вооружен – имеет свои зубы и достаточно больно кусается. Ведет караван старый афганец – караван-баши. Не идет, шествует той удивительно легкой походкой, которой, кажется, совсем не свойственно утомление. Сам караван-баши с высоким крючкообразным посохом в руках и цепь ишаков, или верблюдов, или лошадей, навьюченных тяжелой кладью, внешне выглядят так же, как выглядели подобные караваны много веков назад. Караванщики одеты в просторные, длинные и очень теплые дубленые шубы. В условиях высокогорья особенно хороши рукава этих шуб. Они спускаются до колен и состоят из сложенных мехом внутрь ромбовидных несшитых между собой полос овчины, похожих на ласты. Такие рукава чудесно защищают от стужи и своим устройством не мешают мгновенно выхватить оружие.

Майор рассказывал о том, что было на самом деле, не пугая, а настраивая, предупреждая, подготавливая к тому, что ему было хорошо известно и знакомо.

Потом уже, когда объявляли отбой и солдаты засыпали в казармах, Дубов возвращался в курилку, закуривал и, стиснув зубы, застывал допоздна, вспоминая свое участие в этой войне.

В седловине, между двумя заснеженными вершинами, где с вечера находилась в засаде рота майора Дубова, было ужасно холодно. Ветер, дувший с яростной силой, казалось, пытался вышвырнуть вон шурави, отморозить все части тела, которые выглядывали из-под одежды. Солдаты зарывались в снег, пытаясь согреться. К счастью, ближе к полуночи ветер переменился, и теперь его ледяные струи проносились над головами солдат.

Обозначив задачи, выставив дозорные посты, Дубов уже под утро задремал в маленькой, похожей на берлогу пещерке. Перед самым рассветом его разбудил рваный лай всех стволов, имеющихся в распоряжении роты. В голове мелькнуло:

– Началось!

Крутнувшись в «берлоге», из-за стылого валуна Дубов выставил автомат в сторону тропы, выстрелил из подствольника в самую гущу людей и животных. Отметил для себя выброс разрыва и, стреляя в хвост каравана, моментально оценил складывающуюся обстановку.

За тридцать секунд боя все смешалось: мечущиеся на тропе бородатые люди с чалмами на головах, плач, рев и стоны раненых, бьющихся людей и лошадей.

Животные падали на тропу и, заваливаясь на бок, тащили в пропасть за собой караванщиков, отчаянно пытавшихся удержать от падения вниз лошадей и тюки с грузом, но

тщетно. Афганцы, стесненные узостью тропы, не могли отступить, скрыться за скалой, из-за которой минуту назад вышли на этот проклятый участок. Не могли пройти вперед, отсеченные плотной стеной огня. Понимая свою обреченность, они выхватывали оружие и бились горячечно, ни на что не надеясь, лишь взывая к аллаху, чтобы тот увидел, как дерутся его верные сыны. Залегая за трупами животных и своих товарищей, пытались вести прицельный огонь, и не без успеха.

Дубов увидел, как, дернувшись, ткнулся головой в снег рядовой Еременко, а рядом с ним побагровела, подтаивая, морозная белизна под телом сержанта Кочурина.

Майор выкрикивал слова команды, пытаясь уберечь, предостеречь своих солдат, но грохот и рев боя перекрывали его голос, и ему самому казалось, что он не кричит, а едва шепчет.

Бой велся жестокий, беспощадный, на полное уничтожение, и люди из каравана, понимая это, пытались подороже продать свои жизни.

Дубов оторвался от прицельной планки автомата, чтобы увидеть солдат, оценить ситуацию, и заорал:

– Газарян, назад! Назад! Не высовывайся!

В горячке боя рядовой Газарян вскочил и, жутко хохоча, вел огонь с колена. Дубов приподнялся над камнем:

– Га... – не успел докричать.

Ослепило близким разрывом гранаты, как огнем обожгло левую руку. Сознание Дубов потерял не сразу, успел отметить, как внезапно наступило затишье, подумал: «Умираю?!» – и впал в забытье.

Очнулся от резкой боли. Перетягивающий левое предплечье бинтом рядовой Басыров поглядел на командира ласковыми карими глазами и, успокаивая, сказал:

– Ничэво, ничэво, камандир, каравана – йок, нэту...

Дубов услышал, что время от времени тишину прерывают одиночные выстрелы, и понял, что каравана действительно «йок», раз солдаты достреливают, добивают умирающих и раненых духов, ставят контрольным выстрелом в голову восклицательный знак на мертвых.

– Лэжы, лэжы, – успокаивал Дубова Басыров, – тропа сэчас расчыстым, груз забэром. Служьба знаим. Искэндэр уже «вэртушкы» вызвал.

Искэндэр – Александр Ковалев, радист роты. Дубов облегченно, насколько позволила рана, вздохнул и только теперь с изумлением отметил, что на Басырове поверх бушлата наброшена дубленка. Тот, увидев изумление командира, поспешил объяснить:

– С убытых снялы. Стрэлялы – разгорачылысь. Холодно тыпер. А шуба топлый. Мортвый – в пропаст, а шуба жывой – на. И тэбе тожь на, – Басыров заботливо набросил на Дубова широченную овчину.

Дубову стало тепло не только от меха дубленки, но и от заботы солдата. Только где-то в подсознании замелькала мысль непонятая, неосознанная, вызывающая чувство опасности и тревоги. Думать и размышлять мешала слабость. Тепло окунуло Дубова в дрему, а промедол оттянул сверлящую боль. Он только и прошептал Басырову:

– Тропу расчистите, груз поднимите на площадку, – и уснул.

Вместе с болью промедол погасил и тревожную мысль.

Солдаты сбросили трупы вниз и стали подниматься вверх на площадку, волоча за собой тюки и трофейное оружие.

За то время, пока солдаты укладывали своих погибших, опускались на тропу, освобождали, расчищали ее, сбрасывали вниз неподъемные трупы лошадей, туда же, раскачав за руки – за ноги, отправляли начавшие замерзать трупы караванщиков, пока подняли наверх тюки

и оружие, два вертолета, вызванные радистом Ковалевым, преодолели подлетное время, вынырнули из-за дальней вершины и взяли направление на седловину.

Командир пятьдесят третьего борта передал в полк:

– Я – борт полсотни три. Сигнала нет. Вижу тела наших наверху, похоже, перебили всех. Караванщики таскают вьюки с тропы наверх, – и не удержался: – Вот, твари, отсидеться хотят...

И «вертушки», коршунами ринувшись с неба, весь свой огонь обрушили на усталых «караванщиков», вереницей ползущих вверх к спасительному гребню.

Рокот «вертушек» и шквал огня молнией высветили в голове Дубова смысл его тревоги:

– Сигнал опознавательный не дали! Шубы…...

Поздно. Боевые вертолеты сделали следующий заход. Пилоты убедились, что «афганские караванщики» полностью уничтожены, связались с базой и, сделав разворот, ушли за спецгруппой. Пусть уж они разбираются, что произошло на тропе, а заодно и трупы погрузят, и уцелевшие вьюки.

«Вертушки» растворились в круге огромного солнца. Из укрытия выбрался шатающийся от слабости, потерявший шапку, с всклокоченными потными волосами и безумным взглядом майор Дубов.

Забыв о боли в раненой руке, он побрел от тела к телу, оскальзываясь на утоптанном снегу, испачканном красными пятнами крови и черными разводами гари, не веря, не желая осознать нелепость случившейся трагедии, надеясь на чудо, на то, что ребята ранены, уцелели... Становился на колени около каждого погибшего. Ласковым шепотом разговаривал с ними. Жалел. Приговаривал какие-то нелепые слова оправдания. Просил простить его за то, что остался жив... Закрывал ребятам глаза. Гладил коротко стриженные головы. Накрывал лица подобранными шапками, кусками бушлатов и дубленок... И, только когда добрел до тела Басырова, заглянул в его спокойное лицо и застывшие карие глаза, Дубов отчаянно, горестно, страшно завыл.

Так воет, низко опустив голову, старый волк у мертвой, разоренной охотниками родной норы, оплакивая гибель маленьких, теплых, бестолковых, беспомощных волчат...

* * *

...Веселые голоса возвращающихся с вечеринки офицеров с женами отвлекли майора Дубова от воспоминаний. Он поднялся со скамейки, поглядел на темное окно своей комнатушки и зашагал в казарму.

Сделав знак «потише» подскочившему дежурному, укоризненно качнул седой головой и, стараясь не скрипеть старыми половицами, прошел в свою комнату.

Постоял, не включая свет, припомнил, как умолял чуть ли не на коленях комдива не отправлять его на гражданку, не списывать по инвалидности после ампутации руки. Щелкнул выключателем.

Тусклый свет сорокасвечевой лампочки осветил спартанское жилье. Дубов поправил покосившийся плакатик, висевший над выключателем: «СССР – всему миру пример!», хмыкнул, быстро разделся, погасил свет и улегся в узкую, жесткую кровать. Полежал на спине, подложив руку под голову, припоминая вечерний разговор с солдатами. И стал засыпать, твердо зная, что не сможет пересилить себя и не придет прощаться с этими мальчишками перед отправкой их в огненную мясорубку Афганистана.

Глава 2. ОБЕРЕГ-ЛАДАНКА

Теплый осенний день. Листва опадает с кленов и ясеней, пытается устлать мягким ковром весь парк, печально и убаюкивающе шуршит под ногами. Пряный и острый ее запах дурманит голову, пьянит чем-то приятно-грустным. Изредка взрывается тонкий сучок и осыпает ноги прелой пылью. Слабый ветерок пытается проскочить сквознячком меж стволов деревьев, но запутывается в них и утихает, слабо вздохнув. Солнечные лучи смелее пронзают безлиственные кружева ветвей и греют, греют, греют землю.

Под вечер воздух становится прозрачным, в его дыхании уже чувствуется хрустальность будущих морозов, но она еще нежна, едва уловима.

Ветер набирает силу и грудью бросается на деревья. Те поскрипывают старыми телами, с неохотой сгибаются и вновь выпрямляются. Уцелевшие листья собираются в маленькие кучки – смерчики вперемешку с измельченной трухой и неприкаянно носятся по парку, разыскивая свой дом – свое дерево. Вороны шумно опускаются на старый клен, картаво переругиваются и замолкают, как только солнце совсем уже спрячется за раскрасневшимся горизонтом...

...Бросить бы все да провести денек в парке, пусть даже одному. Впрочем, даже лучше одному. Отдохнуть от всего и всех, надышаться чистым воздухом, насмотреться на бледное, иссиня-зеленоватое небо, а потом... А что потом?! Все! Хватит!

Вовка тряхнул головой, и чудесное полудремотное видение исчезло, в глаза хлынуло солнце. Много солнца. Слишком много жестокого, яркого солнца. Веки привычно дернулись, смахивая слезы, прищуренные глаза осторожно прощупывали опасную чертову пыль и камни.

Пока он дремал – был в отдыхающей смене – ничего не изменилось, только разбухший, безобразно яркий шар солнца чуть сместился к горизонту. До ночи еще далеко, до начала смены минут тридцать. Но не хочется больше спать – опять какая-нибудь мура приснится, выбьет из привычно-непривычной колеи войны. А все же какой парк красивый! Эх! Сейчас бы!.. Все. Все, забыто!

Вовка потянулся до стона, покрутил головой, разогнал застылость мышц. Закурить, что ли? Нет, не буду. Бросил две недели назад. Была причина бросить.

Бежали тогда долго по сопкам. Уходили от духов к своим, под прикрытие бетонки, по которой шмыгают днями машины.

Бег начали всемером, а к финишу пришли втроем. Чуть было пятым не остался в сопках Вовка.

Бежали без оглядки, нечем было огрызнуться. Весь боезапас оставили там, в сопках, вместе со своим взводом, покрошенным из засады пулеметными очередями. Когда залегли после первого шквала, были недоумение и злость, потом ярость и боль, чуть позже бессилие и страх, а когда патроны закончились, январским морозом хлестнул ужас. Вскочил первый и понесся назад, к базе, за ним второй, и уже, не помня себя, летел за всеми Вовка, беспокоясь лишь о том, чтобы не бросить, не потерять автомат.

Чем ближе к бетонке, тем слабее ноги, руки, все тело. Добежал до дороги и упал почти под самые колеса остановившейся колонны «КамАЗов». Когда очнулся, отдышался, вынул из кармана сигарету, задымил, но тут же отшвырнул ее и закашлялся, с трудом удерживая тошноту. Так и бросил курить.

Но не только об автомате думалось Вовке во время безумной пробежки, думал еще о том, чтобы не потерять раскачивающуюся на груди в тяжелом, тягучем, напряженном беге оберег – ладанку, повешенную на шею матерью, глубоко и искренне верующей женщиной. Верующей в то, что странно пахнущий кусочек дерева спасет и сохранит от гибели крови-

ночку, единственного любимого сына, веру и надежду в этой жизни. Сумела она передать эту веру в оберег и Вовке.

Что же, как не эта ладанка спасла его великим чудом тогда, когда в ущелье на зажатой скалами дороге караван грузовиков, везущий пацанов первого полгода службы, и Вовку в их числе, был обстрелян душманами? Стреляли в упор, перегородив дорогу подбитой техникой.

Выскочив из горящей машины, обезумев от животного страха, метался тогда необстрелянный пацан Вовка по ущелью. Открытая, доступная, как на ладони, мишень. Моталась на шее образок-ладанка в такт его бестолковому бегу.

Спас козырек скалы, нависший над дорогой. Пули прощелкали, злобно отгрызая острые осколки камня, зло ворча, ушли в сторону длинной очередью.

Нырнул под горячий камень Вовка, зашептал, сбиваясь, молитву о спасении живота своего и притих. В его затишок запрыгнул прапорщик, который на марше командовал танком сопровождения. Пули духов сопровождали его отчаянный прыжок и успели зацепить под коленом правой ноги. Прапорщик втянул ногу под навес, взревел от боли, хрипло матерясь, выплевывая вместе со словами сгустки крови, упал на спину, обдирая о камни дымящийся бушлат, пытаясь сбить струйки дыма и тлеющие глазки огня.

Невидящим после яркого света взглядом окинул укрытие, не заметив Вовку, сунулся к краю щели. Он подтянул автомат к себе и начал резать, косить фигуры духов, радостно соскальзывающие вниз по стенам ущелья к добыче.

Вовка полностью пришел в себя. Сквозь затуманенное ужасом сознание ему дошло, что бьется один прапорщик, со стороны духов плотность огня становится все гуще и гуще.

Не столько носом, сколько каким-то звериным чутьем уловил он запах ладанки, встряхнулся, поверил в свою счастливую звезду и пополз к прапорщику. Тот скосил налитые кровью глаза, приказывающе мотанул головой и вновь приник к автомату. Теперь уже он стрелял прицельно, торопливо выбирая мишень и мягко нажимая на спуск. Автомат коротко вздрагивал и тянулся мушкой к следующей фигуре.

Из укрытия хорошо было видно, что танк, ствол которого уныло ткнулся в стену ущелья, кособоко свисал порванными гусеницами с подорванной плиты монолита. Из открытого люка тянулся черный дым, окутывая труп убитого солдата, тряпкой висевшего руками вниз из отверстия. Три машины «Урал» беспомощно догорали, изредка всплескивая искрами пламени, осклабясь металлическими обугленными конструкциями. Повсюду валялись трупы солдат, обгоревшие, изломанные предсмертной судорогой.

Духи все смелее и смелее отрывались от земли и перебегали, подбираясь к горящему танку. Спокойствие раненого прапорщика передалось и Вовке. Он выбрал цель, щелкнул ограничителем, устанавливая режим одиночной стрельбы, навел ствол на голову надвигающейся фигуры. Выхватил взглядом красные камни, серую пыль, черный дым, бледно-болезненные былинки из расщелин, темное, какое-то закопченное лицо бородатого врага, внезапно надвинувшееся в прицел, и нажал на курок.

Расстояние до нападающего было мало, прозвучал выстрел, и душман забулькал горлом, сделал два шага, ударился грудью оземь, застыл, как бы пытаясь дотянуться мертвыми руками до слетевшей с бритой головы чалмы.

Тугая волна тошноты подкатила к горлу, выплеснулась горячей струей едва усвоенного завтрака. Слабость разжала руки, автомат с цоканьем упал на камни. Вовка скорчился, захлебываясь рвотой, закашлялся, поперхнувшись густой слюной.

Прапорщик методично простреливал обзор, оглянулся на Вовку, прокричал ему что-то грозное, по-лошадиному взмахивая головой в сторону наступающего противника, и вновь принялся целиться и стрелять.

Вовка пытался подавить приступы тошноты, но вид грязной лысой головы убитого им духа и чалма, подкатившаяся близко с ползающими по ней, хорошо видными вшами,

усиливали спазмы желудка. Капли пота стекали по подбородку, тягуче сочно плюхались на колени, на приклад автомата, застилали глаза.

Не просто убить в первый раз человека, пусть даже нападающего врага.

...Вовка устало поднял голову. Прапорщик лежал лицом вниз, раскинув руки. Впитывая кровь, набухал воротник его гимнастерки. Духи открыто бродили меж горящих машин, пинками переворачивали трупы солдат, ворошили их вещмешки, собирали трофейное оружие. Один из них подошел к шевельнувшемуся шурави, схватил его за волосы и резко поднял голову лицом вверх. Вовка узнал неестественно бледное лицо: Сашка Ситников. Это с ним они сидели во дворе городского военкомата, когда ждали отправки. Всю жизнь росли в одном городе, а вот встретились перед отъездом, но тесно не сдружились, просто вместе держались по закону землячества.

Сашка был ранен в ноги. Резкая боль искривила его лицо, вырвала тяжелый стон. Близко стоявшие духи засмеялись, одобрительно кивая своему товарищу. Тот же рад стараться, наступил для большего эффекта на Сашкины окровавленные ноги и еще сильнее потянул назад голову. Изо рта раненого потекла кровь, он душно заперхал и закрыл глаза. Афганец хлестанул наотмашь ладонью по Сашкиному лицу, выдернул откуда-то из широких одежд кривой нож и быстро полоснул им по лбу русского. Кровь широкой завесой потекла по лицу Сашки, и было страшно и странно видеть бело-красную маску вместо лица. Дух отпустил волосы Сашки, и он с размаху ткнулся лицом в пыль.

Стало понятно, что сейчас духи вдребезги расстреляют Сашку. И ему, Вовке, надо быстро что-то сделать, чтобы успеть изменить его страшную судьбу. Он притянул к себе автомат, быстро прицелился и клацнул пустым звуком – патроны закончились. Потянулся к подсумку – пуст, и в отчаянии закрутил головой. Увидел автомат прапорщика; отложил в сторону свой и пополз к убитому.

В это время дух перевернул стонущего пленника на спину, схватив за воротник, перетащил к машине, швырнув его спиной к закопченному колесу. Сашка, широко раскрыв глаза со слипшимися от крови ресницами, смотрел на окруживших его врагов. Лихорадочно осматривая их, пытался понять, что же с ним будет, догадывался и не надеялся избежать смерти.

Вовка уже тянул автомат из-под прапорщика, его подсумок со сменой рожков и видел, как духи обступили полукругом сидящего солдата. Афганец – видимо, командир – что-то кричал, тыкая пальцем в пленного, пинал его то в бок, то по раненым ногам. Сашка занемел, застыл и даже не стонал от ударов душмана. В его обреченном взгляде внезапно загорелась надежда. Он увидел под близким козырьком скалы Вовку, увидел, как тот вытягивает откуда-то из-под себя автомат. Вот сейчас он полоснет огнем и освободит его, Сашку, уничтожит его мучителей. Нет, не успел. Афганец запрокинул цепкими пальцами голову Сашки назад и размашистым движением перерубил ножом шею солдата. Обезглавленное тело конвульсивно дернулось и съехало на землю под громкий одобрительный хохот душманов. Убийца гордо прокричал что-то в небо, поднял за волосы отрезанную голову и, размахнувшись, забрызгав себя стекающей из горла кровью, швырнул в сторону, как мяч.

Холод пробежал по спине Вовки. Он прицелился и стал кромсать, хлестать свинцом удивленные рожи духов... В одну очередь выпалил все патроны, расшвырял, разметал гадов. Нашарил второй рожок, вонзил его в ненасытное чрево автомата. Вскочил на ноги в полный рост, с ревом гнева продолжил стрельбу, но залег опять, замолчал. Не в кого стрелять : спрятались духи. Тихо стало кругом, только огонь потрескивает на догорающих машинах. Вовка стал внимательно осматриваться, ловил, высматривал цель. О, за гусеницей танка мелькнула голова. Ба-бах! Есть! Вывалился убитый дух. Ага, вон там за камнем что-то шевелится. Ба-бах! Черт, мимо! Вовка увидел-таки, как высунулся из-за того же танка ствол гранатомета, но не успел среагировать, как из гранатомета вырвалось пламя, и снаряд врезался в навес. Обрушился козырек, засыпал собой прапорщика и Вовку, завалил камнями...

...Очнулся он от холода. Опять казалось ему, что он в осеннем парке, но спит почему-то на скамеечке, неудобно лежать, острые края режут бока. Захотел встать, но не смог. Дернулся что было сил – что-то держит. Дернулся еще раз – результат тот же, и проснулся, открыл глаза. Сквозь узкие щели между камней виднелся серенький холодный рассвет. Вспомнилось, как его завалило. Почти сутки Вовка выбирался из каменной могилы, расшатывал, раскачивал камни руками, раздавленным автоматом. Вытолкнет один камень, на его место другой сползает. Замирал – засыпал, приходил в сознание от холода и знакомого запаха ладанки, шептал сухими губами молитву и опять работал. На следующий день услышал совсем рядом родной русский мат, засипел, заскрипел что-то, пытаясь быть услышанным. Случилось невероятное: услышали, вытащили...

Так как же не верить теперь в оберег-ладанку?! Что же, если не она спасла его в тот раз?! В который уже раз...

А сегодня дежурство на точке прошло нормально. Погрелись на солнышке недельку и пошли назад. Сменившая их рота ничего нового не принесла из полка. Все то же. Ходят, правда, слухи, что скоро начнется вывод войск с территории Афганистана, но, будет ли это точно и когда, никто не знал.

Подходили к кандагарскому гарнизону уже затемно, когда солнце опустилось за высокие гребни гор и лишь едва освещало знакомые очертания аэродрома. Шли узкой тропой, спускаясь по одному с интервалом пять-семь шагов. Размеренное движение успокаивало, клонило в дрему. Внезапно впереди грохнул взрыв, и эхо заметалось разрывом по стенкам ущелья, ведущего тропой к аэродрому. Мгновенно залегли, выставили стволы автоматов солдаты. И только тогда командир прокричал, что тропа заминирована, есть потери.

Вызванных саперов ждали долго, только перед рассветом пришли. Быстро убрали наспех поставленные духами мины, и рота, забрав погибших, двинулась вперед.

От долгого сидения на холодных камнях, от неподвижности захотелось Вовке оправиться, помочиться. Шагнул он чуть в сторону с тропы, на неутоптанную узкую полосу перед каменной стеной, потянулся в предвкушении скорого отдыха. И понял по тонкому звуку натянутой струны под ногой, что под ним мина. Замер и громко, спокойно сказал проходящему по тропе за его спиной:

– Я на мине.

От этих страшных трех слов стало тихо на тропе, передние прошли вперед, за поворот, а задние попятились назад.

Стоял Вовка одиноко под темным еще небом, стоял лицом к мрачной скале, с нелепо расстегнутой ширинкой штанов и не смел пошевелиться. В голове металось лихорадочно, что есть какой-то выход, не может вот так, запросто, оборваться жизнь. И – вот оно, нашелся ответ, нашелся выход. Потянулся осторожно руками Вовка к вороту бушлата, просунул руки к оберегу-ладанке, зашептал что-то онемевшими губами, облегчение почувствовал, вот она – помощь!

Чуть ослабил ногу, выкатился из-под сбитого каблука камешек, чуть глубже нога зарылась в грунт, еще сильнее натянулась струна, еще быстрее, еще горячечнее зашептал молитвы Вовка, но не смог, не убедил Господа солдат. Видать, нагрешил тяжко здесь, в Афгане. Всхлипнул под ногами громким чихом взрыв, разрывая, разметая мамину кровинушку, раба Божьего Вовку Скатова.

Взметнулся вверх высоко на кожаном шнурке оберег-ладанка, зацепился за выступ скалы, сокрушенно закачался своим маленьким, темным, теплым телом, как бы оплакивая свое бессилие: Ай-ай-ай-ай...

Яркая звезда чиркнула по утреннему небу Афганистана, ослепляющим хвостом вознеслась высоко в поднебесье и рассыпалась мелким прахом в голубой вышине жемчужными, медленно гаснущими искрами.

Эту звезду увидел рядовой, несущий караульную службу у склада ГСМ, Витька Смирнов.

– Шалят духи, – подумал он.

Глава 3. КОМСОРГ

Дым. Дым. Дым. Густой дым аспидно-черными клубами разливается по земле, окутывает сопки. Жирные хлопья оседают, маслянисто блестят на склонах горушек, забиваются в щели меж камнями, легко проскальзывают под воротник гимнастерки, в ботинки, окрашивают кожу в африканский цвет, лезут в нос, в горло... И никуда не деться от мягкой назойливости сгоревшего мазута.

«Наливник» горел с самого утра, угрюмо ткнувшись ураловской мордой в пыль дороги. Колеса, оторванные взрывом противотанковой мины, валялись, сгоревшие дотла, неподалеку от машины, разбросанные по обе ее стороны.

После взрыва из кабины вылетел водитель, оглушенный грохотом и ослепленный пламенем. Дико вращая головой, он тянул, вырвал из кабины автомат, заклинивший в боковых замках. Кровь из мелких порезов от брызнувшего стекла мгновенно окрасила полосами лицо солдата. Наконец автомат выскочил из замков, больно ткнув мушкой в плечо, и водитель побежал назад, к следующей в караване машине. «Урал», резко дернувшийся от внезапной остановки, еще урчал двигателем, но вскоре заглох от следующего взрыва – огонь добрался до топливных баков, а затем вспыхнул мазут.

Гасить пламя было некогда, в любую секунду духи могли открыть огонь из засады, что было логично на этой дороге, тянущейся между сопками. Но повезло. Стрельбы не было. Опустили стволы автоматов, вздернутые было в поисках врага. Танк сопровождения развернул башню стволом назад и задом прогрохотал к подорванному «Уралу». Уперся крепкой грудью в бок машины и протолкал ее от дороги, освобождая путь колонне.

Тронулись. Поехали дальше. До обеда прошли только шестьдесят километров. Осторожничали. Не знали еще этой дороги. Впереди танк, в танке саперы. Семнадцать мин сняли на своем пути. Что впереди? Неизвестно. Что позади? А позади печально-траурной лентой поднимается черный густой дым, хорошо видный даже на большом расстоянии. Остановились.

Радист колонны торопливой скороговоркой докладывал ситуацию командованию и, сплюнув черной слюной, на полуслове кинул в передатчик микрофонную трубку и замaтерился:

– ...Они там водку жрут, а мы здесь... – но по всей форме доложил подошедшему начальнику колонны – молоденькому лейтенанту, год как окончившему училище, о том, что командование недовольно задержкой в продвижении колонны, недовольно молодым лейтенантом, им, радистом, и вообще всей ситуацией на этом участке.

Лейтенант выслушал, как в училище, вытянулся в полный рост, набрал полную грудь воздуха – послать подальше все начальство – и уже рот открыл, как щелкнул сухой выстрел снайпера, горячая пуля залетела ему прямо в рот и, разбрызгивая желтый мозг, окрашенный красной горячей кровью, с белыми осколками черепа, вылетела из черного в полголовы выходного отверстия. Тело лейтенанта дернулось и повалилось на радиста. Караван на секунду замер, горохом рассыпались из машин ожидающие команды солдаты-водители, ощерились дулами автоматов солдаты сопровождения – и в направлении выстрела затрещали автоматные очереди. Защелкали, завизжали, затенькали пули о черные камни, и, шевельнувшись, вылетело неуклюжей птицей, как крыльями хлопая полами засаленного халата, тело снайпера-душмана. Кувыркнувшись в воздухе, прокатившись по склону горы, набрав скорость, подкатилось по дороге к телу лейтенанта и навалилось на руку убитого офицера. Тело душмана и тело лейтенанта распластались на дороге, и солдаты увидели, что снайпер тоже молодой, в возрасте только что убитого им. Похоже было, что два товарища-одногодка – россиянин и афганец, вволю повеселившись, разлеглись на дороге, заснув

в пьяном угаре, не рассчитав свои силы. Впечатление было бы полным, если бы не чернела от вытекающей крови серая мягкая пыль под телами.

Витька Смирнов – солдат первогодок – чувствовал себя очень плохо. Во-первых, это его машина была подорвана, это ее он оставил догорать одну на проклятой дороге. Его до сих пор трясло и знобило после взрыва. Опытные «водилы» говорили, похлопывая Витьку по плечу, что, мол, повезло тебе, браток, только машину потерял, обычно и шофер с машиной гибнет, если на противотанковую мину нарывается. Во-вторых, обдало лицо брызгами мозга лейтенанта, теплыми и скользкими. В-третьих, дух-снайпер катился прямо под ноги Витьке, еле успел он отскочить, но зацепил все же мертвец плотной, неживой рукой по ноге. Зацепил, словно за ногу хотел схватить, забрать еще одного врага с собой в черноту смерти. Вот и плохо стало Витьке, хоть и третий это рейс для него, и повидал уже немало. Но за один раз столько получить и увидеть – это уж слишком.

Прапорщик Воронин, среди солдат Кнут, тонкий, стройный, пробежал в голову колонны к радисту, доложил о гибели командира, выслушал монолог начальника и дал команду вперед.

И опять Витьке не повезло. По воле Кнута посадили его в кунг «ГАЗ-66» вместе с санитарами – в помощь им, раз уж он лишился колес, и теперь пришлось трястись в гулкой будке, а в такт тряске подскакивала, стукаясь о рукоятки узких подвесных носилок, пробитая голова погибшего лейтенанта. Санитары накинули на тело мертвеца старое промасленное одеяло, но от подпрыгивания машины оно сползло, обнажив изуродованное лицо. Не мог, не хотел Витька накрыть его и отвернуться не мог в тесноте кунга. Закурить бы, да и так дышать нечем, медбратья накурили до осязаемой, плотной густоты, куда же еще!

– Хоть бы что, – позавидовал Витька, – привычные ко всему.

Чтобы отвлечься от страшной маски изуродованного мертвого лица, Витька порылся в карманах, нащупал пачку старых писем от родителей, но постеснялся достать их, просто коснулся, как погладил рукой. В другом кармане наткнулся на маленький и твердый прямоугольник, потянул на свет. Вспомнил. Нашел как-то в рейде. Стоял в охранении в горах и, пока работали саперы, на выступе скалы заметил кусочек деревяшки. Загадочный, темный, на кожаном шнурке болтался. Запах от этой деревяшки интересный исходил. Долго размышлял Витька, что за запах такой, потом уж припомнил, что в церкви так пахло, в которую заходил однажды тайком, чтобы не увидели однокашники или учителя. Церковь была старая, стояла неподалеку от школы. Каждый день мимо нее проходили школьники. Слышали тихие голоса из открытых дверей, видели огоньки свечей и лампадок, размытые пятна икон. Зайти было интересно, но страх быть увиденным и пристыженным не пускал. Тем более, что с девятого класса стал секретарем комсомола школы, и не по рангу стало заходить в старинные двери божьего храма. Однако вспомнил Витька, что это за деревяшка такая. Ладанка. Оберег-ладанка называется. Обычно с изображением Бога или святого, носится на шее. Прикрыл глаза Витька, как бы согрелся от кусочка дерева, задремал, но тут же подскочил испуганно, ткнувшись головой в стенку кунга от очень уж сильного крена машины. «ГАЗ-66» резко стал. Одновременно застучали частые выстрелы из многих автоматных стволов. Засуетились, заклевали по кунгу пули, вырывая стальными клювами куски жести и досок из уже пораненного тела машины. Санитары, а за ними и Витька вылетели на дорогу.

Вечерело. Солнце лишь слегка пробивалось из-за острых зубьев гор, по-вечернему раскраснелось небо, натягивая на себя мрачное одеяло ночи. Ближний склон горы, подсвеченный выстрелами, рвал, мял колонну автомобилей, злобно рычал, плюясь свинцом. Люди залегли за машинами, под колесами, отстреливались, били по угадываемому за вспышками врагу. Танк грузно развернул башню и изрыгнул в сторону засады осколочный снаряд, который разнес в щебень несколько скальных обломков, затем другой, третий, пятый... Витька

сбился со счета от грохота, от вони сгоревшего пороха. От напряженного поиска мишеней болели глаза, и он стрелял наугад, едва успевая сменять магазины.

Танк, лязгая металлом гусениц, отполз назад, развернулся и пошел в конец колонны, чтобы оттуда достать врага. Набрал скорость, обдавая залегших солдат копотью сгоревшего топлива, заспешил к выбранному месту, но вдруг споткнулся, клюнув стволом, на гулко бумкнувшей мине. Наступила мгновенная тишина, такая, которая наступает неизвестно из-за чего среди большого скопления людей, когда каждый говорил о своем и вдруг враз замолкают все. Танк стоял большой, темный. Ни один люк не лязгнул в тишине. Поползли струйки дыма. Звериный рык радости донесся сверху, а вместе с ним бой вспыхнул с новой силой. Духи, воспрянувшие с гибелью танка, вновь поверили в свои силы и усилили натиск. Почти все машины уже дымились. Отпор со стороны солдат ослаб. Прапорщик пробежал, прополз вдоль колонны, собирая солдат, оставшихся в живых, расставляя на новые места, показывая каждому свой сектор обстрела, ободряя. Витька слышал, как радист, захлебываясь, орал, передавал просьбу поддержать «вертушками»:

– Ведь задолбят же, задолбят!..

Волна от ужасного взрыва подбросила Витьку, перевернула набок «Урал». Санитарный «ГАЗ-66» подпрыгнул, как мячик, но все же встал на колеса. Взорванный своими же боеприпасами танк пылал ярким костром. Сквозь рваное «окно» в броне выхлестнулись языки жаркого пламени. Не помня себя от страха, Витька вскочил с земли, бросив автомат, и побежал к санитарной машине. Горячий металл двери обжег руки, но Витька, не обращая на это внимания, рванул ее на себя, вскочил на место водителя и бросил машину вперед на спасительную дорогу. Он жал и жал на педаль газа, пригибаясь к рулю от рвавших кабину пуль, угадывая не глазами, а чутьем, куда крутануть руль, потом свернул за крутой поворот, ощутив телом, руками, что сбил кого-то и, переехав колесами, поехал по пустынной серой дороге. Ехал долго, до самого рассвета, до последней капли бензина в баке. Когда машина стала, выскочил из кабины и пошел навстречу поднимающемуся из-за вышек складов ГСМ солнцу. Эти вышки хорошо были знакомы Витьке, почти полгода стоял на них в охранении, пока не пришло его время сесть за руль.

Шел Витька прямо, глубоко в карманы бушлата засунув руки, зажав в кулаке кусочек отполированного временем дерева. Шел к своим. В голове стояли звон, грохот, шум боя, а сердце радостно сжималось: жив я, ЖИВ!

У командира он докладывал особистам, что колонна погибла, в живых один он остался, да в кунге брошенной на дороге машины лежит тело погибшего лейтенанта – начальника колонны.

Отпустили Витьку помыться, поесть, отдохнуть. Вышел он на воздух, закурил, поверил ведь сам в то, что наговорил сейчас. Да и как же можно было выжить в том аду? Нет, все он верно сказал, что уж теперь! Совсем собрался идти солдат, да услышал через тонкие стенки командирской палатки хрип и свист рации и пробивающийся надорванный голос:

– ...Ждем «вертушки», колонны больше нет... Нас здесь семеро... Нападение отбили... Уйти не на чем, гад один ушел на последней машине!

– Ну и сука, – промелькнуло в голове у Витьки. – Товарищей бросил! – и тут же он чуть не упал оглушенный, ошпаренный, раздавленной одной только мыслью – это его колонна хрипит и просит помощи. Это его товарищи отбились от духов, а гад, который ушел, это и есть он сам, а докладывает по рации прапорщик Воронин.

Незрячий от страха, отупевший от неожиданности, на мягких подгибающихся ногах пошел Витька в ротную палатку, уже понимая, что натворил и что будет дальше, ожидая, как выстрела, окрика в спину. Не было окрика. Деловито, равнодушно его арестовал дежурный по полку офицер, и два недавних товарища из соседнего взвода отвели его на гаупт-

вахту. Ничем не выразили ни презрения, ни ненависти. Военный суд рассудит. Даже обыскали небрежно.

«Трус – предатель, трус – предатель», – пульсировало в мозгу и во всем теле арестованного Витьки Смирнова. От этого да еще от жгучего ощущения, что жизнь его такой ценой была спасена, стонал, плакал, метался Витька.

– Прощения просить! – подсказало сознание детсадовскую и школьную выручалочку.

– У кого? – рассудил взрослый опыт. – У погибших? У погибающих ребят? У тех, с которыми так горячо спорил о предательстве, по-комсомольски, по-комсорговски, не оставляя ни единого шанса на прощение?

Заскрипел зубами, сжал кулаки до побелевших пальцев и ощутил боль в правой ладони. Разжал кулак и увидел ладанку-оберег, которую при обыске не заметили.

– У Бога! Помощи и прощения! – развернул кожаный ремешок, вгляделся в изображение: – Нет, почти ничего не видно. Хотя – вот лицо. Нет, это не лицо. Это глаза – суровые, осуждающие. Чьи? Господа? Совести? Прапорщика Воронина, отбившего Витьку у накурившихся анаши «стариков»? Может быть, это его глаза?.. А может, Витькиного соседа через койку, соседа по казарме Илюхи Дюжева, бывшего в той проклятой колонне и, может быть, еще живого?

– А ведь если бы я не сбежал, точно бы живы были хотя бы семеро, – огненным стержнем пронзило Витьку. – Нет мне пощады! И огонь этот, пройдя через макушку, мозг, сердце, ноги, уйдя в песчаный пол «губы», как-то сразу все сжег, успокоил, оставил только черный пепел внутри...

* * *

– Вашу мать! – бесновался подполковник Макушев. – Кто обыск производил?

– Виноват! Виноват! – растерянно повторял дежурный по полку майор Ковров, время от времени скашивая глаза на стол, на котором лежал образок-ладанка. Сыромятный кожаный шнур в одном месте был разрезан, потому что его никак не могли снять с распухшей шеи удавившегося Витьки Смирнова.

Глава 4. СТАНИЧНИКИ

– ...дружескому афганскому народу, исполняя свой интернациональный долг. И хотя силы, оппозиционные законному правительству Демократической Республики Афганистан, во главе с...

Санька крутнул ручку настройки приемника с московской волны и выключил рацию. Четвертый день долбали их то ли «оппозиционные законному правительству силы», то ли «дружественный афганский народ».

Это только поначалу ему казалось, что отправили исполнять интернациональный долг. Думалось ему, что встречать его будут хлебом-солью, бананами-апельсинами и чем-то еще экзотическим, что там у них еще есть на непонятной афганской земле, аксакалами-саксаулами, что ли? И мнилось ему, что нести он, Санька, будет не боевую, с атаками, стрельбой и смертью службу, а мирную, охранную у какого-нибудь объекта. А так как станичник Санька вообще представления не имел ни о земле Афганистана, ни о пустыне, ни о барханах, ни о кишлаках-дувалах, то чудился ему обычный полевой стан в степи, и в сладких грезах мальчишки-девственника подходила к нему – герою на пост вечером афганская девчонка, приносила парного молока с краюхой свежего белого хлеба. Только вот черт его знает, есть ли коровы-то хоть у них?! При этом афганочка обязательно смотрела на Саньку громадными темными глазами с восхищением и любовью. А лицом она почему-то была похожа как две капли воды на Ирину – дочь председателя колхоза, смуглую, стройную красавицу. И дальше в грезах Саньки шла такая сладкая чушь, что он сам себя обрывал и оглядывался, краснея, не слыхал ли кто, как губами чмокнул Санька вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.